

или иного свойства в значительной мере разнится от языка к языку. Цель этой работы — анализ цепочечных деепричастных конструкций в ниджском диалекте удинского языка. Как будет показано, несмотря на принадлежность к нахско-дагестанской семье, удинский язык обнаруживает особенности, которые сближают ее с деепричастными конструкциями языков вроде русского.

2. Свойства автономности клауз. Хотя сказуемое одной из предикаций в рассматриваемых построениях оформлено как зависимый глагол, который призван «привязывать» такую предикацию к главному предложению, две клаузы в восточнокавказских цепочечных деепричастных конструкциях нередко проявляют свойства семантической автономности друг от друга.

Во-первых, многие нахско-дагестанские языки не требуют наличия в деепричастной предикации участника, кореферентного какому-либо участнику других клауз конструкции, хотя такая кореферентность обычно желательна. Ср. пример выше, а также:

(2) Лезгинский [Haspelmath 1995: 432]

werč   haraj   aq:at-na   q:eciḡh   kat-na
курица   крик   выходить-АОС   вне   бежать-АОР

‘Курица издала крик [букв.: крик выйдя] и побежала наружу’.

Во-вторых, как было показано на цахурском материале Я.Г. Тестельцом и К.И. Казениным [Testelet, Kazenin 2004], цепочечные конструкции могут иметь свойства сочинительных. Например, в некоторых случаях может запрещаться вынос составляющей из деепричастной предикации и вложение этой предикации в главное предложение, что типично для одной из частей сочинительной конструкции.

В некоторых языках деепричастия в комбинации со связкой участвуют в образовании финитных аналитических форм. Если связка оказывается факультативна или вовсе исчезает, граница между деепричастной предикацией и независимым предложением с «бывшей аналитической конструкцией» пропадает. Ср. следующие примеры из тантынского даргинского:

Тантынский даргинский

- (3) hili-hit:i   sa-j-ra   w-ibš:-ib-le   sa=j
тот:О-за   сам-M=ADD   М-убегать.PF-PRET-CONV   COP=M

‘...и сам за ней убежал’.

- (4) wa^h   se-li   r-ibš:-ib-le-wara   hit ?
вах   что-ERG   F-убегать.PF-PRET-CONV=PTCL   тот

‘Вах, почему убежала она?’

При полном смешении финитных и нефинитных форм в отношении зависимых клауз можно говорить о *некатегориальном подчинении* — явлении, при котором подчиненность определяется не синтаксической категорией вершины, а другими свойствами конструкции [Ландер 2008]. Некатегориальное подчинение представлено, например, в лезгинском примере (2) выше, где зависимый статус подчиненной предикации определяется исключительно ее вложением.

С учетом сказанного следует принимать во внимание некоторую условность используемой нами терминологии: «деепричастные конструкции» не обязательно должны содержать специальные деепричастные формы глагола, а «зависимая предикация» и «главная предикация» теоретически могут иметь одинаковые формальные свойства.

3. Удинские цепочечные деепричастные конструкции: общие сведения. В цепочечных деепричастных конструкциях удинского языка зависимая клауза возглавлена глагольной формой, маркируемой суффиксом *-i*:

- (5) oq:-a   sak-i,   χor-p-i   bo=ne-s-i
низ-DAT   валить-AOC   тащить-LV-AOC   бросать=3SG=ST-AOR

‘Повалил, протащил и бросил’.

Хотя в норме эта форма стоит в конце зависимой предикации, допускаются и предложения, в которых это не так:

- (6) naIjni   tac-i   mask:v-in-a,   ве   q:äbäl-in-ä:t:un
вчера   уходить-AOC   Москва-O-DAT   сегодня   Габала-O-DAT=3PL

har-i

приходить-AOR

‘Вчера уехали в Москву, сегодня приехали в Габалу’. {E}

В описаниях удинской глагольной системы формы на *-i* представляются как формы деепричастий совершенного вида, которые при этом омонимичны финитным формам аориста и причастия совершенного вида/ прошедшего времени (см., например, [Майсак 2008]). Ср. примеры на употребление форм на *-i* в независимых предложениях («аорист», пример 7) и в относительных предикациях («причастие прошедшего времени», пример 8):

(7) sa   šamat: t:et:ija=z   mand-i.
один   неделя   RDP:там=1SG   оставаться-AOR

‘Там я оставался одну неделю’.

(8) č:ep-i   jönni   ulq:-na   χod-e   ak:-sa.
плодоносить-AOR   хороший   орех-ATR   дерево=3SG   видеть-PRS

‘...видит хорошее ореховое дерево, которое плодоносило’.

В [Ландер 2008] была предложена точка зрения, согласно которой в деепричастных и относительных конструкциях используется та же форма, что и в независимых предложениях, а нефинитность зависимых предложений определяется не формой сказуемого, а отсутствием в них клитических показателей личного согласования. Таким образом здесь тоже имеет место некатегориальное подчинение.

Помимо независимых предложений, а также деепричастных и относительных конструкций форма на *-i* появляется и в других конструкциях — в конструкции с фазовыми глаголами окончания действия, в результативной конструкции, в конструкции со служебным словом *kinä* ‘как’; см. [Ландер 2008].

4. Семантика. В норме цепочечные деепричастные конструкции описывают последовательность действий, которые при этом не обязательно должны примыкать друг к другу (см. пример 6 выше). Временная референция определяется только для главной предикации; соответственно, зависимая предикация, в принципе, может указывать на не свершившуюся ситуацию:

- (9) gele äräq:i=jal uɪʋ-i šo mašin-en tav-al=e
 много водка=ADD пить-АОС тот:NA машина-ERG уходить-FUT=3SG
 ‘Даже если много водки выпьет, на машине поедет’. {E}

Предложения, предполагающие интерпретацию с временным пересечением или вложением двух ситуаций, часто оцениваются как невозможные (хотя и понимаемые); ср. (10). Тем не менее в текстах встречается значительное число цепочечных конструкций, в которых обозначенные ситуации не обязательно располагаются последовательно на временной оси (11)—(13). Цепочечные конструкции такого рода далее именуются спаянными.

- (10) *q:av-irχo oc:k:i t:alik:-e χoχ=ez=b-i
 посуда-PL мыть-АОС тарелка-DAT разбивать=1SG=LV-AOR
 (Ожидалось: ‘Моя посуда, я тарелку разбил’.) {E}

- (11) arc-en käj uɪʋ-en
 сидеть-NORT есть+АОС пить-NORT
 ‘...давайте сядем, поедим (-i) и выпьем’.

- (12) šašk:oj-i bava sa usen-aχun gele=ne=j-ki
 Шашкой-GEN отец один год-ABL много=3SG=PST=COMP
 p:ur-i tac-e=ne-j
 умирать-АОС уходить-PERF=3SG=PST
 ‘Отец Шашкой уже больше года, как умер [букв. умер (-i) и ушел]’.

- (13) qaj-bak-i har:t:un?
 возвращаться-LV-АОС приходить+PERF=3PL
 ‘Они уже вернулись [букв.: возвратились (-i) и пришли]?’

Думается, впрочем, что в (11)—(13) речь идет не о двух ситуациях, пересекающихся во времени, а об одной, причем зависимый глагол лишь вносит некую характеристику ситуации, обозначенной главным глаголом. Возможность такой интерпретации подтверждается конструкциями с отрицанием. В удинском языке имеется несколько показателей отрицания с не вполне тривиальной дистрибуцией (см. частичное описание в [Майсак 2009]). В деепричастной предикации встречаются два маркера отрицания, которые имеют разные функции:

(14) q:onaβ-χo nu uk-es-t:i burmuχur-a kǎj-i=n
 гость-PL NEG есть-INF-CAUS-AOC хаш-DAT есть-AOR=2SG
 ‘Соседей не угостив [т.е. не дав им еду], ты хаш съел’. {E}

(15) q:onaβ-χo uk-es-t:i-nut: burmuχur-a kǎj-i=n
 гость-PL есть-INF-CAUS-AOC-NEG хаш-DAT есть-AOR=2SG
 ‘Соседей не угостив [т.е. до того, как они появились], ты хаш съел’. {E}

Если (14) легко трактуется как выражение последовательности двух ситуаций, в (15) (с суффиксальным отрицанием ‘без’), очевидно, зависимая предикация описывает лишь некоторую характеристику всей ситуации.

5. Корреферентность. В отличие от деепричастных конструкций во многих других нахско-дагестанских языках, удинские цепочечные деепричастные конструкции в значительной степени грамматикализовали требования к корреферентности. Так, следующее предложение, в которых у зависимой и главной предикаций отсутствует общий участник, признаются недопустимыми:

(16) *doχt:ur tac-i χüjǎr-en oIne-p-s-a
 доктор уходить-AOC девушка-ERG плакать-LV-INF-DAT
 bur=e-q-i
 начинать=3SG=ST-AOR

(Ожидалось: ‘Доктор ушел, и девочка начала плакать’.) {E}

Более того, неграмматичными оказываются и многие предложения, в которых имеется корреферентность участников:

(17) *žanavar-en mozi-n-a car-p-i zu šo-t:-o
 волк-ERG теленок-O-DAT разрывать-LV-AOP я тот-NO-DAT
 bes=iz-b-i.
 убивать=1SG=LV-AOR

(Ожидалось: ‘Волк теленка разорвал, я его убил’.) {E}

(18) *ark:adij kala-baj šo-t:-o k:ada-j k:oj-a
 Аркадий расти-LV+AOP тот-NO-DAT дядя-GEN дом-DAT

ta:t:un-šer-i

уносить=3PL=ST-AOR

(Ожидалось: ‘Аркадий вырос, и его отвезли к дяде’.) {E}

В действительности, в удинских цепочечных конструкциях в отношении кореферентности, как правило, могут участвовать только непереходное подлежащее (S) и эргативный агент (A) при переходном глаголе, независимо от того, в главной или зависимой предикации они находятся; ср.:

(19) S=S

jan=al   gir-ec-i   ta:jan=c-i
мы=ADD   собираться-LV-AOC   уходить=1PL=ST-AOR
‘Мы собрались и пошли [на свадьбу]’.

(20) A=A

eχ-t:i   jaχ   tängä:t:un   taj
брат-LV-AOC   мы:DAT   деньги=3PL   давать+AOR
‘...они взяли и отдали деньги’.

(21) S=A

gir-ec-i   čoval-a   šäp:=t:un=c-i
собираться-LV-AOC   воробей-DAT   гнать=3PL=LV-AOR
‘Собравшись, они прогнали воробья’.

(22) A=S

šo-t:i-in   äžuv-b-i   t:e   st:anc:i-n-a   p:ap:-amun
DIST-NO-ERG   сердиться-LV-AOC   DIST   станция-O-DAT   достигать-TERM
cir-e
спускаться+PERF=3SG

‘Он рассердился [букв. гнев сделал] и, доехав до станции, вышел’.

Кореферентность всех прочих ролей при элицитации приводит к оценке конструкции как недопустимой. Впрочем, в корпусе текстов имеется один пример, в котором формально кореферентные участники в зависимой и главной предикациях отсутствуют вовсе:

- (23) išq:ar-en čara iram-ec-i, izi kala
 мужчина-ERG выход иссякать-LV-AOC RFL:GEN большой
 arak:-a šlam-k:-ala-ne bak-i
 бычок-DAT резать-LV-FUT2=3SG быть-AOR

‘Мужик, не найдя выхода, решил зарезать своего большого бычка’.

При этом кореферентные участники могут быть выражены лексической именной группой или местоимением как в обоих предикациях, так и только в одной из них (причем в любой), а порою и вовсе не получают выражения. В нашем корпусе, впрочем, если кореферентный участник выражается, он всегда выражается в деепричастной предикации. Возможность выразить в предикации любых участников указывает на то, что в этих случаях речь идет о полноценных предикациях, а не о глагольных группах или каких-либо еще типах составляющих помимо клаузы.

6. Подчиненность. В этом разделе будет показано, что цепочечная конструкция по большей части проявляет свойства подчинения, а не сочинения.

Иллокутивная сила. Части сочинительной конструкции, в отличие от зависимых предикаций, могут иметь собственную иллокутивную силу [Pullum 2004; Verstraete 2005]. В удинском языке у деепричастной предикации, на первый взгляд, может иметься собственная иллокутивная сила, которая, впрочем, дублируется с главного предложения. Так, в (24) императивная конструкция, на первый взгляд, требует выполнения двух действий, а в (25) запрашивается информация как о первой, так и о второй предикации.

- (24) hindišk:a kăji, fi uľv-a
 индюшка есть+АОС вино пить-IMP
 ‘Индюшку покушай, вина выпей’. {E}

- (25) car-ec-i bar-ala te-ne ?
 разрушаться-LV-AOC рассыпаться-FUT2 NEG=3SG
 ‘Не разрушится, на части не распадется?’

Примечательно, однако, что все эти примеры содержат спаянные конструкции, в которых речь не идет о предшествовании одной ситуации другой.

Исходя из этого, можно предположить, что в (24)—(25) речь фактически идет об одной ситуации, предполагающей два действия.

В этой связи примечательно, что в нашем корпусе текстов конструкция вроде (24) не встречается ни разу — вместо этого употребляется несколько императивных форм. Ср. также следующий пример, демонстрирующий, что и в такой конструкции кажущееся присвоение собственной иллокутивной силы зависимому предложению не всегда возможно:

(26) fi uʎ-i äräq:i ma uʎ-a

вино пить-АОС водка NEG пить-IMP

‘Выпив вина, водку не пей’. / *‘Не пей ни вино, ни водку’. / *‘Пей вино, не пей водку’. {E}

Таким образом в этом отношении цепочечная конструкция скорее показывает свойства подчинительной.

Островные ограничения и их отсутствие. Начиная с классической диссертации [Ross 1967] в литературе признается, что предикации, участвующие в сочинительной конструкции, обычно являются «синтаксическими островами»: в отношении их составляющих не работает ряд синтаксических операций — например, они не выступают в качестве мишеней релятивизации и к ним не может быть задан вопрос. (27) показывает, что главное предложение в цепочечной конструкции может содержать вопросительное слово. Это говорит в пользу того, что оно синтаксическим островом скорее не является.

(27) aj kalna, jeq:e xašʎoj boχ-i ja-jnak: ulq:eIn-in

ВОС бабушка мясо-GEN суп варить-АОС мы-BEN кость-GEN

xašʎoj he-t:-ajnak:=un bar-e?

суп что-NO-BEN=2SG класть.внутри-PERF

‘Бабушка, сварила суп из мяса, а нам почему налила суп из костей?’

Сложнее обстоит дело с релятивизацией. Относительные конструкции на основе участников зависимой предикации построены быть не могут. Ср. недопустимость (28):

(28) *uɫʷ-i   zu   muɫqe   bak-ala   fi-n-e   bez
 пить-АОС   я   радостный   быть-FUT2   вино-O-DAT   я:GEN
 p:ap:a-ne   häzir-b-e
 отец=3SG   готовить-LV-PERF

(Ожидалось: ‘Вино такое, что его выпив, я радуюсь, приготовил мой отец’.) {E}

В то же время, судя по предварительным данным, сложности вызывает и построение относительной конструкции на основе актанта главной предикации цепочечной конструкции. Так или иначе, вопрос о релятивизации требует дополнительного исследования.

Семантика вложения цепочечной конструкции. Вложение сочинительной конструкции, очевидно, должно приводить к тому, что все участвующие в ней предикации должны иметь одинаковую семантическую функцию. Как показывает (29), для цепочечной деепричастной конструкции это, в принципе, не верно: в то время как вторая предикация (‘пить водку’) здесь выступает в качестве сентенциального актанта предиката ‘не должен’, первая не может выполнять аналогичную функцию.

(29) fi   uɫʷ-i   äräq:i   uɫʷ-sun   ba-te-ne-k-o   šo
 вино   пить-АОС   водка   пить-MSD   быть=NEG=3SG=ST-POT   тот+NA
 ‘Выпив вина, он не должен пить водку’.
 *‘Он не должен пить вино и пить водку’. {E}

Следует заметить, что предложения, в которых валентность вышестоящего предиката, на первый взгляд, заполняется одновременно обоими участниками деепричастной конструкции все же встречаются; ср.:

(30) žamaat-en   bur-e=q-sa   käj   uɫʷ-s-a
 народ-ERG   начинать=3SG=LV-PRS   есть+АОС   пить-INF-DAT
 ‘Люди начинают пировать [букв.: есть и пить]’.

(31) tapan-a   sa   wi   bijä   bak-amun   oc:k:i
 живот-DAT   один   день   вечер   быть-TERM   мыть-АОС

- (34) här boIq:-a jem tad-i iz
каждый свинья-DAT продукты давать-AOC RFL:GEN
ga-n-u-z bad-i
место-O-DAT=1SG проводить-AOR
‘Каждой свинье еду дав, в загон [букв.: на свое место] отвел’. {E}

Порядок слов. В сочинительных конструкциях, передающих последовательность действий, расположение предикаций в норме иконично отображает порядок ситуаций. Подчинительные конструкции, напротив, нередко иконичности не требуют. В удинской деепричастной конструкции постпозиция зависимой предикации, описывающей предшествующее действие, даже изредка встречается в текстах (35), хотя при элицитации оценивается как неестественная (36):

- (35) har-i-jan här-t:-in samal jeq: eIχ-t:-i
приходить-AOR=1PL каждый-NO-ERG немного мясо брать-LV-AOC
‘...мы вернулись, каждый немного мяса взяв’.

- (36) ^{??}k:oj-a tac-e-ne äči-p-i
дом-DAT уходить-PERF=3SG танцевать-LV-AOC
‘(Он) пошел домой, потанцевав’. {E}

Кроме того, подчинительные конструкции, как правило, допускают вложение зависимой предикации, то есть окружение ее материалом главной клаузы. При элицитации удинских цепочечных деепричастных конструкций подобное вложение признается невозможным (37), тем не менее в корпусе письменных текстов оно встречается (38)—(39) (см. также пример 23 выше):

- (37) a. [k:ada-n q:onaβ-χo ak:-i] qaj-baj
дядя-ERG гость-PL видеть-AOC возвращаться-LV+AOC
ta-ne-c-i
уходить=3SG=ST-AOR
b. *k:ada [q:onaβ-χo ak:-i] qaj-baj
дядя гость-PL видеть-AOC возвращаться-LV+AOC

ta-ne-c-i

уходить=3SG=ST-AOR

‘Дядя гостей увидел и пошел назад’. {E}

(38) murad išq:ar-en [č:äp:k:in-žä tac-i] me

Мурад мужчина-ERG тайно=АТТ уходить-АОС этот

vološI-na χod-in tum-a cap-e-ne üše

ольха-АТР дерево-GEN корень-DAT косить=3SG=LV:PRS ночью

‘Ночью мужик Мурад тайком пошел и расчистил место под отхой’.

(39) t:raχt:orist:-en [lac-i] ač:I-es-e-b-i

тракторист-ERG подниматься-АОС теряться-INF=3SG=LV-AOR

t:raχt:or-a

трактор-DAT

‘Тракторист залез и заглушил трактор’.

7. Выводы. Итак, цепочечная деепричастная конструкция в удинском языке по многим (хотя и не по всем) параметрам проявляет свойства подчинительной. С этим коррелирует и то, что она накладывает достаточно жесткие ограничения на кореферентность актантов в главной и зависимой предикациях: непереходный субъект или агент при переходном глаголе одной предикации должен быть кореферентен непереходному субъекту или агенту другой предикации.

Вовсе не характерное для эргативных нахско-дагестанских языков объединение в один класс (фактически в категорию подлежащего) непереходного субъекта и агента переходного глагола для удинского языка не так удивительно. С этими же актантами в удинском языке происходит и согласование по лицу и числу. В отличие от многих других языков семьи [Кибрик 2003], только эти актанты выступают в качестве контролера в рефлексивной конструкции. Кроме того, сам удинский язык — несмотря на то, что он сохранил эргативный падеж — по существу эргативным не является: в канонических переходных конструк-

циях с референтным пациенсом именная группа последнего оформляется не подобно непереходному субъекту (как это имеет место в эргативных языках), но получает особое маркирование дательным падежом. Такая перестройка восстанавливаемой для нахско-дагестанских языков эргативной системы привела к тому, что пациенс переходного глагола и непереходный субъект более не подпадают под одну категорию, и, соответственно, «открыла дорогу» к формированию категории подлежащего, аналогичной той, что наблюдается в аккумулятивных языках. Наблюдаемое в цепочечных конструкциях требование кореферентности, возможно (хотя и не обязательно), — лишь следствие этого.

Примечательно, что в ходе исследования обнаружилось, что некоторые выявленные при опросе носителей правила в текстах выполняются не всегда. Это может свидетельствовать о том, что грамматические свойства цепочечной конструкции не вполне стабильны. Возможность таких выводов лишней раз доказывает, что корпусное исследование и элицитация вовсе не противостоят друг другу, как иногда считается, но дополняют друг друга.

Сокращения в глоссах

ABL — аблативный падеж; ADD — аддитивная частица; AOC — аористная форма в деепричастной функции; AOP — аористная функция в причастной функции; AOR — аорист; ATR — атрибутивный показатель; ATT — аттенуатив; BEN — бенефактив; CAUS — каузатив; COMP — подчинительный союз; CONV — деепричастие; COP — связка; DAT — дательный падеж; ERG — эргатив; F — женский класс; FUT — будущее время; FUT2 — второе будущее время; GEN — родительный падеж; H — личность; HORT — хортатив; IMP — императив; INF — инфинитив; LV — служебный глагол; M — мужской класс; MSD — масдар; N — средний (неличный) класс; NA — номинализация (абсолютив); NEG — отрицание; NO — номинализация (косвенные формы); O — косвенная основа; PERF — перфект; PF — совершенный вид; PL — множественное число; PRET — претерит; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCL — частица; RDP — редупликация; RFL — рефлексив; SG — единственное число; ST — отделенная часть лексической основы; SUBJ — конъюнктив; TERM — терминатив; VOC —

вокатив.

Литература

Казенин К.И. 2001. Деепричастные конструкции // А.Е. Кибрик и др. (ред.). Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари. М.: Наследие. С. 554—594.

Кибрик А.Е. 2003. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя.

Ландер Ю.А. 2008. Причастные конструкции или некатегориальное подчинение // М.Е. Алексеев, Т.А. Майсак (отв. ред.). Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка. М.: Academia. С. 54—95.

Майсак Т.А. 2008. Глагольная парадигма удинского языка (ниджский диалект) // М.Е. Алексеев, Т.А. Майсак (отв. ред.). Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка. М.: Academia. С. 96—161.

Майсак Т.А. 2009. Синтаксис и семантика в распределении показателей отрицания (на материале удинского языка) // Н.Д. Арутюнова (ред.) Логический анализ языка. Ассерция и негация. М.: Индрик. С. 480—495.

Haspelmath M. 1995. Contextual and specialized converbs in Lezgian // M. Haspelmath, E. König (eds). *Converbs in Cross-Linguistic Perspective*. Berlin, New York. P. 415—440.

Pullum G.K. 2004. Clausal coordination of nonidentical illocutions // *Language Log*, March 12, 2004. [<http://itre.cis.upenn.edu/~myl/language-log/archives/000580.html>]

Ross J.R. 1967. *Constraints on Variables in Syntax*. Ph.D. diss., MIT.

Testelefs Y.G., Kazenin K.I. 2004. Where coordination meets subordination. Converb constructions in Tsakhur (Daghestanian) // M. Haspelmath (ed.). *Coordinating Constructions*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. P. 227—239.

Verstraete J.-Chr. 2005. Two types of coordination in clause combining // *Lingua*. Vol. 115. P. 611—626.